

ВИТАНСКИЙ

НАГОРЬСТНИКЪ.

Годъ VIII. Выпускъ 10-й 1911 г.

Отъ 1-го Сентября.

НЕ ОТЧАЯВАЙСЯ.

Жизнь человѣка полна несчастій и бѣдъ, невзгодъ и болѣзней. Бываетъ, что человѣкъ всю жизнь борется съ нуждою, такъ и сходить въ могилу, не видавши свѣтлыхъ дней. Другой будто бы живетъ и счастливо, но вдругъ лишается всего. Иной владѣть

богатствомъ, и въ дѣлахъ имѣеть успѣхъ, но болѣзнь изнуряеть его и всѣ блага временной жизни ему ни къ чему. Другой, наконецъ, могъ бы жить счастливо, но дурныя привычки (напрямѣръ пьянство) грѣхи, запинають его совѣть, связываютъ его жизнь, дѣлають ее несчастной. Еще въ несчастіи важно сознаніе его: иной только потому и несчастенъ, что онъ сознаеть себя такимъ, т. е. онъ не доволенъ тѣмъ, что имѣеть, другой напротивъ, не сознаеть себя несчастнымъ, но несчастіе всѣхъ. Онъ не знаетъ, что стоитъ на краю гибели. Таковъ грѣшникъ, утопающій во грѣхѣ и наслажденіяхъ временной жизни.

Какъ много причинъ, которыя повергаютъ человека въ несчастье, о многихъ изъ нихъ едва ли даже можетъ догадываться, другія отъ него сокрыты совершенно, иначе онъ постарался бы устранить ихъ. Иныя, наконецъ, кажутся очевидными, но нѣтъ лишь способовъ, нѣтъ силъ бороться съ ними. Но всѣ эти причины — неизвѣстныя, малоизвѣстныя и очевидныя суть только частныя, случайныя причины, одна же и при томъ общая основная причина всего этого есть грѣхъ. Да, грѣхъ есть единственная причина всѣхъ несчастій человека. Адамъ праотецъ нашъ, одаренный отъ Бога полнымъ счастьемъ, развѣ встрѣтилъ бы въ жизни своей что худое, если бы не преступилъ заповѣди. Мы же въ беззаконіяхъ зачатые и во грѣхѣ рожденные, въ зараженной грѣхомъ природѣ нашей носимъ и начало всѣхъ бѣдъ жизни нашей. Но, какъ грѣхъ врачуется покаяніемъ, такъ и всѣ несчастія въ жизни человека исправляются тѣмъ же средствомъ покаянія. Оно умерщвленную грѣхомъ жизнь нашу воскрешаетъ, обновляетъ, возставляетъ, оно отвергнутаго Богомъ грѣшника со дна адава изнимаетъ и въ райскихъ селеніяхъ водворяетъ. Оно услалило преподобнымъ отцамъ суровость пустыни; оно стоявшихъ на краю пропасти спасло. Всѣ ветхозавѣтные пророки проповѣдывали покаяніе, къ нему же призывалъ и Предтеча Христовъ Іоаннъ, съ него началъ Свою проповѣдь о царствіи небесномъ Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ.

Итакъ, если ты бѣденъ, изнемогаешь въ борьбѣ съ нуждою и не въ силахъ переносить ея, то не ропщи, но припади къ покаянію, сознай, что посылаемое тебѣ отъ Бога оскудѣніе по грѣхамъ твоимъ, сознай свою вину и ты получишь утѣшеніе, — силу переносить бѣдность, а можетъ быть и матеріальную помощь, если она тебѣ полезна. Посѣтило ли тебя внезапно несчастье, утрата, убытокъ, — осмотришь, не прегрѣшилъ ли предъ Богомъ, не обидѣлъ ли брата своего? Покайся и ты легко перенесешь невзгону. Изнемогаешь ли отъ тяжелой или продолжительной болѣзни, вотъ когда

тебѣ время каится, припомнить свои грѣхи и ошибки за всю жизнь, на то тебѣ дано и время болѣзни, чтобы внимательно провѣрить свою прошлую жизнь и принять хорошія намѣренія въ будущей. И пріемлющій намѣренія Господь, пошлетъ тебѣ облегченіе отъ болѣзни, если это не угодно будетъ Его волѣ, чтобы ты былъ здоровъ, если Сердцевѣдецъ Богъ увидитъ, что здоровье тебѣ бесполезно: то ты получишь отъ Него такую отраду, что не будешь уже замѣчать своихъ страданій, а пожелаешь продленія болѣзни, какъ твоего духовнаго отлыха. Если томятъ тебя злыя слабости, грѣховныя привычки, то одно отъ нихъ средство—покаяніе.

Ты скажешь: я каюсь, но опять согрѣшилъ, привычка увлекаетъ меня неудержимо. И что-же, опять каюсь. Усугуби воздыханія и слезы, чтобы надъ злѣйшими врагами увидать тебѣ и могущественнѣйшую силу Избавителя твоего Бога. Не отчаявайся, братъ. Пока ты живъ, дверь покаянія открыта для тебя и милосердіе Божіе близко къ тебѣ. Не отчаявайся. Не говори, что покаяніе не было тебѣ на пользу, такъ какъ ты снова палъ, такъ какъ совесть зачинаетъ тебя даже на пути къ Богу, Котораго ты такъ многократно обмануль, не сдержавъ своего обѣщанія. Нѣтъ, не думай такъ. Если бы тебѣ не было покаянія, то какъ бы Господь пощадилъ ниневитянъ? Если бы не было покаянія, то какъ Онъ принялъ слезы Манассіи? Если бы не было покаянія, то какъ бы Онъ сохранилъ блудницу Раавъ? Если бы не было покаянія, то какъ бы не только получилъ прощеніе, но и снова воспріялъ даръ пророческій Давидъ, впавшій въ прелюбодѣяніе и убійство уже послѣ полученія сего дара? Если бы не было покаянія, то какъ бы послѣ своего великаго паденія не только получилъ прощеніе, но и сподобился высочайшей чести,—быть пастыремъ словесныхъ овецъ Христовыхъ, святой верховный апостоль Петръ, столпъ Церкви, принявшій отъ Господа ключи Царствія небеснаго, когда онъ не разъ и не два, а трижды отрекся отъ Христа, но затѣмъ началъ горько плакать? Если бы не было покаянія, то какъ бы Господь сдѣлалъ евангелистомъ грабителя—мытаря, Матфея? Если бы не было покаянія, то какъ бы святой Павелъ изъ гонителя Церкви Христовой сталъ избраннымъ сосудомъ Божіа благодати? Если бы не было покаянія, то какъ бы Господь принялъ Закхея, старшину мытарей? Если бы не было покаянія, то какъ бы сталъ снова дорогъ отцу возвратившійся блудный сынъ, по притчѣ Христовой? Если бы не было покаянія, то какъ получила бы прощеніе своихъ многихъ грѣховъ плакавшая у ногъ Христовыхъ блудница? Если бы не было покаянія, то какъ бы открылся рай разбойнику на крестѣ? Если

бы не было покаянія, то какъ бы апостоль велѣлъ принять въ Церковь коринфскаго грѣшника? (1 Кор. гл. 5, 2 Кор. гл. 2, ст. 1-8) Если бы не было покаянія, то какъ бы Марія Египетская перешла по-суху Иорданъ. Если бы не было покаянія, то какъ бы могъ не только получить прощеніе своимъ великимъ злодѣяніямъ, но и сподобиться мученическаго вѣнца волхвъ Кипріанъ, весь уподобившійся діаволу, разсѣкавшій утробы беременныхъ женщинъ, ради своего волхвованія, но обращенный ко Христу праведной Іустиной? Имѣя столько великихъ примѣровъ покаянія и взирая на безмѣрное милосердіе Божіе, покрывшее этихъ грѣшниковъ, дерзай и ты прибѣгнуть съ покаяніемъ къ милосердію Божію Его Пречистой Матери, споручницѣ грѣшныхъ. Помни, что Она ожидаетъ твоего обращенія къ Сыну ея и Богу.

Поистинѣ неизречено долготерпѣніе и благодать Божіи къ кающимся грѣшникамъ! Въ житіи преподобнаго Феофила разсказывается о томъ, какъ этотъ мужъ, будучи экономомъ одной епархіи въ греческой землѣ, проводилъ добродѣтельную жизнь. Онъ былъ сиротамъ отецъ, странникамъ пристанище, скорбнымъ и болящимъ утѣшеніе. Какъ по смерти господина его, епископа, онъ всѣмъ народомъ единогласно былъ избранъ на его мѣсто, но по смиренію своему отказался отъ епископской кафедры. Оставшись при новомъ епископѣ въ прежней своей должности; онъ продолжалъ творить добрыя дѣла, будучи прославляемъ всѣми. По клеветѣ завистниковъ онъ лишился мѣста и, хотя не нуждался ни въ чемъ, имѣя достатокъ, но заскорбѣлъ о потерянной чести. Ему стало казаться, что всѣ смѣются надъ нимъ и онъ сталъ роптать на Бога. Искушеніе это было такъ велико и такъ овладѣло имъ постепенно, что онъ во что бы то ни стало рѣшился добиться прежняго положенія и чести. По допущенію Божію, онъ дался во власть сатанѣ. Именно, черезъ одного еврея колдуна, онъ добился видѣнія князя тьмы и его служителей, гдѣ-то за городомъ, въ заброшенномъ зданіи цирка. Мало того, что онъ поклонился врагу Божію, прося его о помощи себѣ, но отрекся отъ святаго креста, отъ Господа Спасителя нашего и отъ Его Пречистой Матери, и свое отреченіе скрѣпилъ собственноручнымъ письмомъ, которое и вручилъ діаволу. Когда неизреченнымъ Божіимъ промысломъ онъ вскорѣ получилъ желаемую честь и даже болѣе той, которую имѣлъ раньше, совѣсть его, подъ дѣйствіемъ предварающей благодати Божіей, стала мучить его сознаниемъ содѣяннаго тяжкаго преступленія. При томъ врагъ, получившій къ нему близкій доступъ, внушалъ ему, что для него уже все кончено, что покаяться онъ не можетъ, что его рукописа-

ніе находится въ крѣпкихъ когтяхъ дѣвольскихъ.

Но тутъ то, на этомъ-то грѣшникѣ и сказалась милость Божія и Его Пречистой Матери, споручницы грѣшныхъ. Невѣдомо какъ, но онъ получилъ нѣкоторую надежду на милосердіе Той, Которая породила и воспитала Милосердаго Бога. И, вотъ Феофилъ бросаетъ все, и затворяется въ одной уединенной церкви, гдѣ служба совершалась только по праздникамъ. Церковь эта находилась за городомъ и была посвящена Божіей Матери. Тамъ Феофилъ въ теченіи сорока дней въ постѣ и молитвѣ, неустанно калялся Богу и съ обильными слезами припадалъ къ образу Божіи Матери, прося Ея прощенія и предстательства предъ Богомъ. И что-же, о чудо чудесъ, Сама пречистая явилась къ нему, исходатайствовала ему прощеніе у Сына Своего и Бога, а въ сонномъ видѣніи Феофилъ даже получилъ обратно свое рукописаніе объ отреченіи, что выдалъ дѣволу въ циркѣ.

Съ этой грамоткой онъ спѣшитъ къ епископу своему и, испросивъ его благословеніе, въ соборной церкви на литургіи въ праздникъ, послѣ евангельскаго чтенія повѣдаеть всенородно о неизреченномъ къ нему милосердіи Божіемъ, сожигаетъ тутъ же предъ всѣми свое рукописное отреченіе, данное по кознямъ врага, губителя челоуѣковъ; исповѣдуется и сподобляется причастія святыхъ Христовыхъ Таинъ. Послѣ сего всѣ въ храмѣ видятъ лицо его просіявшимъ свѣтомъ необыкновеннымъ. Тогда всѣ люди уразумѣли что благость Божія безгранична, что Господу не только угодно было спасти грѣшника, но продолжить свою милость къ нему до конца, т. е. сподобить его вѣчной славы со святыми Своими. Черезъ три дня Феофилъ преставился ко Господу, а память о немъ совершается святой Церковью въ двадцать третій день мѣсяца Іюня.

Вотъ какая сила въ покаяніи: оно отверзаетъ намъ двери милосердія Божія и прибѣгать къ нему никогда не поздно. Аминь.

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ ОДНОГО БУДДИСТА ПРОТИВЪ ДАОССКАГО УЧЕНІЯ.

Ученіе Даосовъ въ разныя эпохи принимало различныя характеры и направленія. Развившись подъ вліяніемъ баснословныхъ китайскихъ идей незапамятной древности, оно считаетъ своимъ первоначальнымъ основателемъ знаменитаго Государя Хуандіа, но основателемъ ихъ философскаго ученія былъ извѣстный философъ Лаоцзы (жившій за 600 лѣтъ до Р. Х.), составившій особое сочиненіе Дао-дэ-цзинъ которое и считается у даосовъ фундаментальною Св. книгою. Затѣмъ въ средѣ послѣдователей Лаоцзы образовалась школа алхимиковъ, предметъ усилій которыхъ состоялъ въ составленіи посредствомъ плавленія изъ минеральныхъ веществъ чудотворной пилюли (*дань*,) доставляющей человѣку безсмертіе и даръ чудотвореній. Съ распространеніемъ Буддизма въ Китаѣ (съ 1-го вѣка по Р. Х.) Алхимическая система Даосовъ приняла характеръ физиологическій, по которой Даосы начали искать ту же пилюлю во внутреннихъ элементахъ самого человѣка, заимствовавши для того у Буддистовъ—какъ средства—созерцательныя приемы. Вообще съ того времени кругъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ Даосскихъ началъ видимо расширяться, и въ кодексы ихъ Св. книгъ мало по малу начали появляться новыя сочиненія, содержаніе которыхъ почерпнуто изъ Буддизма и приспособлено къ Даосскимъ понятіямъ и видамъ.

Съ теченіемъ времени—когда вымыслы Даосовъ составили цѣлую систему и вступили въ явное соперничество съ Буддизмомъ,—Буддисты, завидуя даосамъ и негодуя запохищенія въ области ихъ собственныхъ басней, въ особенности же не желая раздѣлять съ даосами прибыточнаго вліянія на суевѣрный народъ, завели съ ними жестокою полемику, продолжавшуюся нѣсколько столѣтій. Мы избрали одно изъ буддійскихъ сочиненій по этому предмету временъ династіи Танъ (8-го вѣка по Р. Х.), которое любопытно частію въ томъ отношеніи, что излагаетъ спорные пункты двухъ сектъ китайскихъ, частію и потому, что оно характеризуетъ вѣрованія Даосовъ и самихъ Буддистовъ. Сочиненіе это написано въ формѣ діалогической—въ видѣ возраженій и опроверженій, или вопросовъ и отвѣтовъ. Мы удержимъ эту форму и въ нашемъ изложеніи.

В. Даосское ученіе явилось въ глубокой древности и начала

его скрываются въ сочиненіяхъ Хуандія и Лаоцзы. Оно заключаетъ въ себѣ правила, касающіяся семейной жизни и управленія государственнаго, и предписываетъ спокойствіе, уступчивость, мягкосердіе, ласковость, любовь, скромность, воздержаніе, чистоту, безстрастіе—словомъ—все средства, имѣющія цѣлю продолженіе и сохраненіе жизни. Но кромѣ того, изъ Даосскихъ книгъ послѣдующихъ временъ, мы узнаемъ, что даосы допускаютъ также существованіе Тянь-цзуня—какъ духовнаго владыки. По ихъ Св. книгамъ—Тянь-цзунъ есть основатель ученія, верховная степень въ духовныхъ совершенствахъ, существо, обожаемое духами и людьми; Онъ существовалъ прежде міроздавія—въ началѣ раздѣленія двухъ силъ природы (*Инь* и *Янг*); онъ произвелъ и образовалъ небо и Землю и утвердивъ все вещи во вселенной, положилъ начало существующимъ нынѣ формамъ; изъ трехъ родовъ свѣтилъ небесныхъ образовалъ небесную твердь. Какъ думать объ этихъ вѣрованіяхъ даосовъ?

О. Согласенъ, что ученіе даосское обязано своимъ началомъ Хуандію и Лаоцзы, но толки даосовъ о Тянь-цзунѣ не имѣютъ никакого основанія. Конечно, трудно судить о томъ, что вѣтъ условій міра и времени, куда не достигаетъ мысль человѣка,—но обо всемъ, случающемся въ нашемъ подлунномъ мірѣ, можно давать сужденія вѣрныя и основательныя. Древнія книги и бытописанія—предъ нашими глазами,—и могутъ служить намъ въ этомъ случаѣ важнымъ пособіемъ. Въ нихъ мы читаемъ: До раздѣленія неба и земли было 5-ть, такъ называемыхъ, вращеній (періодовъ) *Тай-и*, *тай-чу*, *тай-ши*, *тай-су*, *тай-цзи*. а). *Тай-и* есть безформенное первоначальное состояніе, *Тай-чу* проявленіе первобытнаго эфира, *Тай-ши* раздѣленіе между эфиромъ и образами, *Тай-су*—воспринятіе образами матеріальности, наконецъ *Тай-цзи* есть время полного образованія матеріи и формы. Такимъ образомъ до Тайцзи во всехъ прежнихъ періодахъ мірообразованія не-было окончательнаго раздѣленія между эфиромъ, формою и матеріальностью. Затѣмъ Тайцзи произвело небо и землю слѣдующимъ образомъ: чистыя и легкія частицы первобытнаго эфира, улетѣвши вверхъ, образовали небо, а мутныя и тяжелыя, опустившись внизъ, составили землю; отъ гармоническаго же сочетанія неба и земли произошелъ человѣкъ. Такимъ образомъ и явились три дѣятеля въ природѣ: небо, земля и человѣкъ. Послѣ того установились отношенія между Государемъ и подданнымъ, отцемъ и сыномъ, старшимъ и младшимъ, мужемъ и женой,—и уяснены права между благороднымъ и простолюдиномъ, высшимъ и низшимъ. Прежде *тай-и* царствовалъ хаосъ—

мрачное и необъяснимое состояніе; и надобно было пройти всё 5 вращеній до того момента, когда образовались и вступили въ свои права три дѣятеля. Все это ясно изображено въ древнихъ Св книгахъ. Итакъ если Тянь-цзунъ въ началѣ неимѣлъ формы: то онъ немогъ отличаться отъ тай-и и другихъ началъ, и потому немогъ явиться прежде 5-ти вращеній; Если же онъ имѣлъ форму: то произошолъ вмѣстѣ съ небомъ, землею и человѣкомъ, но не могъ произойти прежде тай-и; потому что до тай-цзи небыло образовъ. А если онъ одинаковъ съ тай-и, и послѣ тай-цзи вмѣстѣ съ тремя дѣятелями (небомъ, землею и человѣкомъ) воспринявши образъ явился: то онъ произошелъ подъ вліяніемъ двухъ силъ (инъ и янг) неба и земли. Слѣдовательно Тянь-цзунъ ни въ какомъ случаѣ немогъ существовать прежде неба и земли.

В. Однакожъ въ знаменитой книгѣ Даосской *линъ-бао* ясно сказано, что Тянь-цзунъ обитаетъ превыше трехъ чистотъ (высшихъ небесъ и что онъ старѣйшій изъ всѣхъ небожителей. у подножія его трона вся вселенная; чудеса его неописанны; Онъ-то и преподавалъ Св. книги, сохранившіяся до позднѣйшихъ временъ.

О. Объ ученія, которое образовалось и развилося внутри Китая, нужно судить на основаніи историческихъ древнихъ памятниковъ. Обрѣтима же къ нимъ. и мы увидимъ, до какой степени надобно довѣрять сказаніямъ даосовъ. У насъ съ незапамятныхъ временъ ведены были историческія записи, съ самой той поры, когда началась письменность. Въ этихъ записяхъ подробно обозначены преемственныя правленія разныхъ династій и изложено все великое и достойное вниманія; говорится о преемствѣ государей, объ ихъ доблестяхъ, или порокахъ, упоминается о явленіяхъ духовъ, драконовъ, фениксовъ, чудесныхъ черепахъ и змѣй, о счастливыхъ и несчастныхъ случаяхъ, о чудесахъ совершившихся надъ животными и въ растительномъ царствѣ, о демонахъ оборотняхъ, лѣшихъ, словомъ—неопущено ни одного достопримѣчательнаго явленія древности. Почему же о Тянь-цзунѣ не говорится нигдѣ ни слова? Ни у одного лѣтописца прежнихъ временъ мы не находимъ даже намека на счетъ существованія его, тѣмъ менѣе о правахъ, усвоенныхъ ему даосами.

В. Хотя, по твоимъ словамъ, даосскія Св. книги преподаны и не Тянь-цзунемъ, тѣмъ не менѣе нельзя неподивиться числу ихъ книгъ, порядку и великолѣпному ихъ убранству. Даосы раздѣляютъ свои Св. книги на 36 отдѣловъ, которые носятъ общее названіе трехъ разумнѣй (сань-дунъ). По ихъ разсказу, эти книги первоначально изображены были нефритовыми буквами пунцовыми кистями,

вложены въ серебряные ящики съ красивыми обертками и хранятся въ нефритовыхъ шкафахъ.

О. И объясню тебѣ неосновательность этихъ басней. Раздѣленіе книгъ своихъ на отдѣлы даосы приняли въ подражаніе буддистамъ, у коихъ всѣ книги раздѣляются на 12 отдѣловъ, смотря по роду и формѣ содержанія. Даосы, узнавъ, что въ буддійскомъ ученіи много толкуется о 6-ти чувственныхъ органахъ, къ каждому изъ 6-ти органовъ отнесли по 6-ти отдѣловъ и составили всего 36. Но они приняли только названіе отдѣловъ, внутренняго же единства и связи во все нѣтъ. Названіе 3-хъ разумѣній (сань-дунъ) также введено въ подражаніе буддистамъ, которые раздѣляютъ весь сводъ своихъ книгъ на три рода: Наставленія Будды теоретическія, наставленія нравственныя и философскіе трактаты. У нихъ первый разрядъ есть разумѣніе (дунъ истиннаго, второй—тайнственнаго, третій—чудеснаго. Называя разряды словомъ—дунъ (разумѣніе) они даютъ тѣмъ понять, что посредствомъ изученія этихъ 3-хъ разрядовъ можно уразумѣть высочайшіе законы и истину. Разрядъ истиннаго излагаетъ высprenніе взгляды относительно истиннаго существа и свойства всего сущаго. Разрядъ—тайнственнаго состоитъ изъ философскихъ трактатовъ. Разрядъ чудеснаго говоритъ о заклинаніяхъ и жертвенныхъ служеніяхъ. Изслѣдуя содержаніе всѣхъ 3-хъ разрядовъ, мы находимъ а), что разрядъ истиннаго слагается изъ книги Ли нъ—бао и другихъ подобныхъ сочиненій, подложно составленныхъ въ позднѣйшее время и именно при династіяхъ У, Сунъ, Ци, Лянъ, ¹⁾ Даосами Гэ-сюанемъ, Сунъ-вэнь миномъ, Лу-сю-циномъ, Гу-хуанемъ и другими, б). въ разрядъ тайнственнаго только одно сочиненіе Лао-цзы имѣетъ нѣкоторый смыслъ и значеніе, с), разрядъ чудеснаго весь подложенъ: онъ составленъ при концѣ Ханьской династіи Чжанъ-дао-линемъ—Сы-чуаньцемъ. Чтобы придать достоинство своимъ сочиненіямъ, Дао-линъ рассказываетъ, что, когда онъ подвизался и достигъ святости въ Сычуаньскихъ горахъ Э-мэй, Лаоцзы низшелъ къ нему съ своего выспреннаго чертога и, даровавъ ему титулъ небеснаго учителя, вмѣстѣ съ тѣмъ научилъ его заклинаніямъ, жертвоприношеніямъ и средствамъ призванія духовъ. Впослѣдствіи Дао-линъ составилъ нѣсколько сотъ подложныхъ сочиненій, въ которыхъ увѣряетъ, что смыслъ ученія, содержащагося въ его книгахъ, воспріялъ онъ непосредственно отъ самого Тянь-цзуня, и весьма часто съ важностію называетъ

¹⁾ Царствованіе этихъ династій продолжалось съ начала 3-го до половины 6 вѣка по Р. Х.

себя небеснымъ учителемъ. Послѣ того, какъ Государь У-ди Цзинь-ской династіи ¹⁾ покорилъ провинцію Сы-чуань, книги Дао-лина распространились за предѣлы этой области и Сунь-вэнь-минъ вмѣстѣ съ другими даосами начали дѣлать поясненія и толкованія на книги Дао-лина, и тѣмъ увеличили число подложныхъ книгъ. Вотъ какъ составились 3 разряда ученія даосовъ. Относительно нефритовыхъ буквъ даосы баснословятъ, что, когда Тянь-цзунъ въ своемъ нефритовомъ жилищѣ оканчивалъ преподаванія Св. книгъ, тогда небожители и святые перелагали слова его нефритовыми буквами; говоря другими словами нефритовыя буквы суть письма небожителей. и доселѣ у даосовъ символическія надписи, разставляемыя во время ихъ служеній на 5-ти странахъ свѣта, называются нефритовыми буквами; начертаніе ихъ походитъ нѣсколько на древнее письмо, называемое среднимъ стариннымъ (*Сло-чжуань*.) Въ послѣдствіи *Сунг-вэнь-минг* перевелъ это письмо на другое, болѣе ясное (называемое *ли-шун*), чѣмъ и доказалъ подложность этихъ буквъ. Если книги, состоящія изъ нефритовыхъ буквъ, извѣстны были только небожителямъ: то *Сунг-вэнь-минг*-даосъ, жившій въ позднѣйшее время, не бывшій въ собраніяхъ, гдѣ преподавалось ученіе Тянь-цзунемъ и даже незнакомый лично съ даосами, составлявшимъ сводъ Св. книгъ, могъ ли понимать смыслъ нефритовыхъ буквъ и переводить ихъ на понятныя письма (*ли-шун*)? Очевидно, онъ самъ выдумалъ символическіе знаки, измѣнивъ для того древнее письмо (*чжуань-цзы*), произвольно назвалъ ихъ нефритовыми буквами, а потомъ самъ же свои выдуманныя буквы объяснилъ простымъ письмомъ (*ли-шун*). Подъ именемъ серебряныхъ ящичковъ даосы разумѣютъ особыя вмѣстилища, которыя обертываются тканями и укладываются въ шкафы. Они говорятъ, что, когда Тянь-цзунъ оканчивалъ преподаваніе Св. книгъ, небожители съ благоговѣніемъ влагали ихъ въ серебряные ящики и укладывали въ нефритовой библіотекѣ, воображая, что серебро и нефритъ-вещи для насъ благородныя и дорогія—также уважаются и на небѣ. Правда, въ странѣ небожителей есть своего рода драгоцѣнности; Если же наше серебро и дорогіе камни составляютъ также драгоцѣнность на небѣ: то значить что наши звуки и цвѣта также уважаются на небѣ; а по даосскому же ученію звуки и цвѣта неимѣютъ дѣйствительности; Отъ чего же серебро и нефритъ имѣютъ такое преимущество? Драгоцѣнности и цвѣта равно суть предметы относительныя и имѣютъ одинаковое значеніе. Еще нелѣпѣе сказаніе даосовъ о пунцовыхъ писчихъ кистяхъ и красныхъ

¹⁾ Царствовавшій въ концѣ 3-го вѣка по Р. Х.

оберткахъ. Подлинно извѣстно, что писчая кисть изобрѣтена *Минь-тянема* во времена Цинской династїи; ¹⁾ До того времени для письма употреблялись остроганныя палочки, которыя носили разныя названія, но отнюдь не назывались писчими кистями (би). Какъ же это имя могло встрѣтиться въ глубокой древности, на небѣ у Тянь-цзуня? Непонятно, какимъ образомъ въ даосскихъ Св. книгахъ допущены понятія о цвѣтахъ, тогда какъ сами даосы отвергаютъ ихъ дѣйствительность. Цвѣта, какъ и всѣ внѣшніе предметы, суть обманъ чувствъ. Только душа омраченная считаетъ извѣстныя явленія цвѣтами; у мудрецовъ же и св. людей не бываетъ подобныхъ ошибочныхъ воззрѣній. По всей вѣроятности Сунъ-вэнь-минъ и другіе на томъ основаніи, что красный и пунцовый цвѣта уважаются между простыми людьми, допустили ихъ въ употребленіи и въ Св. книгахъ. Такимъ образомъ у даосовъ слова блестящи,—а въ сущности все ложь и подлогъ.

В. Чтоже послѣ того надобно думать о всеобъемлющемъ небѣ—Да-ло, о таинственномъ жилищѣ, нефритовой столицѣ, о жилищѣ святыхъ, золотыхъ вратахъ, драгоценной роцѣ въ воздушномъ пространствѣ, безлиственномъ и чудномъ деревѣ, о 3-хъ разрядахъ обиталищъ въ высшемъ мірѣ и чудныхъ жилищахъ 9-ти праведниковъ, о чемъ толкуютъ даосы?

О. Даосы принимаютъ 32 неба ²⁾; но ни одно изъ нихъ не носитъ названія-Да-ло; ясно, что въ началѣ его вовсе не было, и что оно привнесено въ послѣдствіи, Говоря вообще-всѣ 32 неба устроены даосами въ безпорядкѣ и носятъ фальшивый характеръ. Доказательствомъ тому служатъ названія 24-го неба *тань-ши* и 31-го неба *фань-ду*. Двухъ буквъ-*тань* и *фань* сначала не было въ Китаѣ,—о чемъ можно справиться въ древнѣйшихъ лексиконахъ, Эти знаки впервые появились въ Китайскихъ книгахъ Буддійскаго содержанія. Со-

¹⁾ За 2 слишкомъ вѣка до Р. Х.

²⁾ 1-е снизу небо называется тай-хуань-хуань-цзэнь, 2-е небо тай-минь-юй-вань, 3-е—цзинь-минь-хэ-тунъ, 4-е—сюань-тай-пинъ-юй, 5-е—юань-минь-вэнь-цзюй, 6-е—шань-минь-ци-ю, 7-е—суй-у-юэ-хэнь, 8-е—тай-цзи-мынь-и, 9-е—Чи-минь-хэ-янь, 10-е—шань-чжень-сюань-минь, 11-е—Хой-минь-цаунъ-цзунъ-пяо, 12-е—чжу-ло-хуань-цзи, 13-е—суй-минь-танъ-ю, 14-е—Гуань-минь-дуань-цзинь, 15-е—сюань-минь-гунъ-цинъ, 16-е—тай-хуань-цзи-ло, 17-е—юань-цзай-кунъ-шэнь 18-е—тай-ань-хуань-я, 19-е—Сянь-динъ-цзи-фынь, 20-е—ши-хуань-сяо-манъ, 21-е—тай-хуань-гунъ-чунъ, 22-е—У-сы-цзянь-ю, 23-е—шань-цзи-юань-ло, 24-е—У-цзи-тань-ши, 25-е—Хао-тинъ-сяо-ду, 26-е—юань-тунъ-юань-дуань, 27-е—тай-вэнь-хань-чунъ, 28-е—тай-су-сю-ло, 29-е—тай-суй-у-шань, 30-е тай-ши-тэнь-шэнь, 31-е—луань-бянь-фань-ду, 32-е—тай-цзи-пинъ-юй.

времени введенія Буддизма въ Китай многіе начали дѣлать опыты переводовъ и объяснять индійскія слова китайскими звуками, приспособляя ихъ къ понятіямъ Буддійскаго вѣроученія. Такъ знакъ-*фань* въ первый разъ при переводѣ Буддійскихъ книгъ употребленъ былъ въ значеніи *чистоты*-съ индійскаго слова-*Брахмана*; Затѣмъ онъ внесенъ и въ словари. Откуда же спрашивается, попали эти два названія въ даосскія книги, которыя они приписываютъ древнему Тянь-цзуню? Очевидно, что они похищены изъ Буддійскихъ книгъ послѣ водворенія Буддизма въ Китаѣ. Сюань-ду (таинственная столица), по объясненію даосовъ, есть названіе дворца, воздвигнутаго на баснословной горѣ *юй-цзингъ*, а золотыми вратами называютъ они дворцовыя ворота столицы *Сюань-ду*; Даосское ученіе имѣетъ своимъ отечествомъ Китай, и Тянь-цзунъ долженъ былъ преподавать свое ученіе не въ иноземныхъ странахъ, а здѣсь въ Китаѣ; между тѣмъ въ древнихъ географическихъ сочиненіяхъ вовсе не упоминается ни о *юй-цзингъ*, ни о *Сюань-ду*, и неизвѣстно-гдѣ эти мѣста? Если же онѣ находятся выше нашего міра: то напрасно даосы, по твоему ложному взгляду на предметы міра объективнаго, приложили то, что уважается простыми смертными-именно золото и драгоценныя камни къ своей воображаемой столицѣ и ея воротамъ. Относительно роши въ воздушномъ пространствѣ и безлиственнаго дерева тоже нѣтъ сказаній въ древнихъ книгахъ. Очевидно-эти вещи выдуманы и облечены въ чудесныя названія, отличающія ихъ отъ обыкновенныхъ подобнаго рода вещей. О трехъ высшихъ небесахъ даосы говорятъ, что они находятся выше 32 небесъ; изъ нихъ нижнее называется высокочистымъ (*шань-цинъ*) среднее верховно-чистымъ (*тай-цинъ*), а высшее небомъ нефритовой чистоты (*юйцинъ*). Выше ихъ распростерто небо *Да-ло*; Въ небѣ нефритовой чистоты обитаетъ Тянь-цзунъ, въ небѣ верховной чистоты—*Да-дао-цзунъ*, а въ небѣ высокой чистоты—*Лао-цзы*. Въ этомъ случаѣ они сами себя противорѣчатъ; допускаютъ всего 32 неба, а потомъ еще прибавляютъ четыре. Притомъ самъ Тянь-цзунъ называетъ себя существомъ простымъ (не матеріальнымъ); къ чему же для него устроили небо нефритовой чистоты? *Да-дао-цзунъ* (владыка сущности), по толкованію даосовъ, есть идеальная сущность, или небытіе, слѣдовательно онъ не имѣетъ образа и не нуждается въ небѣ верховной чистоты. Наконецъ откуда взяли, будто *Лаоцзы* вознесся и занялъ небо высокой чистоты? На это нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Что касается до 9 праведниковъ: то даосы насчитываютъ ихъ девять, по числу степеней ихъ святости. Если Тянь-цзунъ главный изъ нихъ, то онъ не выходитъ изъ ряда

обыкновенныхъ духовъ и святыхъ, и слѣдовательно о немъ должны быть свидѣтельства въ древнихъ преданіяхъ о духахъ и святыхъ; но въ этихъ преданіяхъ о немъ умолчано. Слѣдовательно Тянь-цзунъ принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ святыхъ. Если же Тянь-цзунъ дѣйствительно въ числѣ духовъ и святыхъ, то значить (по буддѣйскому ученію) онъ не избавленъ отъ перерожденій и подъ конецъ погибнетъ во время всеобщаго разрушенія міра.

В. Даосы рассказываютъ, что, когда Тянь-цзунъ преподавалъ свое ученіе о спасеніи людей, въ то время въ продолженіи 7 дней и 7 ночей всѣ небеса, солнце, луна и всѣ свѣтила остановились, дуновенія вѣтра нестало, небо постоянно было безоблачно и повсюду было свѣтло. Все это, по ихъ объясненію, было выраженіемъ всемогущества и высочайшихъ совершенствъ великаго Тянь-цзуня. Какъ надобно понимать это?

О. Управлять небесными свѣтилами, повелѣвать вѣтрами и облаками и вообще господствовать надъ природою есть дѣло невѣроятное. Небесная сфера разграничена 365 $\frac{1}{4}$ -ю градусами, 12-ю мѣсяцами, сутками и ста четвертями. Она совершаетъ свое круговращеніе спокойно и безостановочно,—и хотя въ весеннемъ и осеннемъ равноденствіи, въ зимнемъ и лѣтнемъ поворотахъ и бываетъ иногда небольшое отступленіе отъ обыкновеннаго порядка,—но общее число вообще бываетъ совершенно правильно. Затмѣнія солнца, или луны какъ явленія поразительныя и даже незначительнаго замедленіе въ движеніи солнца, какъ явленіе благовѣщее, издревле вносились въ исторіи для свѣдѣнія потомству. Но чтобы небо на 7 дней и 7 ночей когда либо прекратило свое вращеніе,—такого чрезвычайнаго явленія не случилось отъ устройства міра; оно должно бы составлять особенность на страницахъ исторіи; и такъ какъ объ этомъ событіи нѣтъ свидѣтельствъ ни въ одной исторической лѣтописи,—ясно, что его небыло въ нашей сферѣ. Если же предположить, что здѣсь дѣло идетъ о солнцѣ и лунѣ тѣхъ небесъ, которыя выше нашей тверди: на это нужно сказать, (по буддѣйскому ученію) что въ высшихъ небесахъ нѣтъ ни солнца, ни луны,—что тамъ есть свой самобытный свѣтъ, освѣщающій всѣ пространства тѣхъ міровъ, и что тамъ день и ночь опредѣляются раскрытіемъ и сжатіемъ цвѣтовъ. Поэтому даосы несправедливо подводятъ высшіе міры подъ одинъ уровень съ нашимъ.

В. Даосы прибавляютъ и то, что Тянь-цзунъ преподавалъ св. книгу о спасеніи людей въ 10 приемовъ, и что по окончаніи 1-й его проповѣди глухіе цѣлаго государства стали снова слышать, послѣ 2-й проповѣди слѣпые получили прозрѣніе, послѣ 3-й—нѣмые вос-

пріяли даръ слова, послѣ 4-й—хромые приобрѣли способность ходить; Послѣ 10-й проповѣди вся беременная женская половина какъ въ родѣ человѣческомъ, такъ и въ царствѣ животныхъ окончила тотчасъ періодъ чревоношенія, а въ праздныхъ образовались зародыши. При этомъ земля открыла свои сокровища; золото и драгоценные камни показались на поверхности земли, и скелеты мертвецовъ тотчасъ обложились плотью и ожили.

О. Выше уже было замѣчено, что явленія міра вещественнаго неприложимы къ высшимъ мірамъ. Туда недоступны болѣзни и недостатки человѣческой природы; Тамъ нѣтъ рожденія изъ утробы и смерти трупобразной, а все происходитъ превращеніями. Вообще эти сказанія даосовъ до крайности нелѣпы и скорѣе походятъ на легкомысленную уличную болтовню, чѣмъ на серьезныя повѣствованія.

В. Даосы много говорятъ о нѣкоемъ *Ю-цзинь-синь*¹⁾ рассказывая, что онъ, рано посѣявши въ себѣ сѣмена совершенствъ, когда созрѣли его доблести и подвижничество кончилось, сдѣлался Тянь-цзунемъ, распространителемъ даосскаго ученія и истолкователемъ истиннаго смысла даосскихъ св. книгъ.

О. Сказаніе объ Ю-цзинь-синѣ составлено Сунъ-вэнь-миномъ по слѣдующему побужденію: Даосы, измыслившіе Тянь-цзуня, сознавая, что нѣтъ никакого основанія этой выдумки, а между тѣмъ читая въ Буддѣйскихъ св. книгахъ, что *Шакьямони*, отвергнувшій наслѣдіе престола, оставилъ міръ и путемъ подвижничества достигнулъ степени святости Будды,—въ подражаніе ему изобрѣли Ю-цзинь-синя, который будто бы также подвижничествомъ достигнулъ совершенствъ Тянь-цзуня и преподавалъ ученіе о воздаяніяхъ и другихъ подобныхъ предметахъ; но составители позднихъ даосскихъ книгъ, очевидно, небыли глубоки въ знаніи простаго ученія и незнакомы основательно съ происхожденіемъ фамилій древнихъ историческихъ лицъ. Фамилія *Ю* произошла отъ *Цзы-чуня*, завѣдывавшаго оркестромъ придворной музыки при древней династіи *Инь*²⁾, которому государь пожаловалъ эту фамилію³⁾. Можно даже въ точности опредѣлить время, въ которое онъ жилъ, если обратиться къ древнимъ историческимъ книгамъ. Положимъ даже, что Цзинь-синь дѣйствительно достигнулъ совершенствъ Тянь-цзуня, но такъ какъ это событіе по расчету времени должно совпадать съ концомъ *Инь-*

¹⁾ По имени *Цзинь-синь*, по фамиліи *ю*.

²⁾ Царствовавшей за 14 вѣковъ до Р. Х.

³⁾ Фамильная буква *ю*—значить—музыка

ской и началомъ Чжоуской династии: то почему же объ этомъ обстоятельстве не упоминается ни въ одной классической книгѣ? обратимъ ли вниманіе на страну, гдѣ Цзинь-синь проповѣдывалъ и спасался,—и этого предполагаемаго мѣста мы нигдѣ не отыщемъ.

В. Все, о чемъ доселѣ говорено было, взято изъ даосской книги *Линг-бао*, (чудотворной) даосы высоко уважаютъ ее и происхожденіе названія ея возводятъ до глубокой древности, ссылаясь на свидѣтельства книгъ историческихъ. Письменное преданіе гласитъ, что, когда *юй*, занимавшійся осушиваніемъ наводненныхъ мѣстъ въ Китаѣ, дошелъ до знаменитой горы *Му-де*, то встрѣтился здѣсь съ пустыннокомъ, который вручилъ князю 5 чудотворныхъ іероглифовъ; владѣя ими *юй* могъ повелѣвать удавами и драконами, и скоро кончилъ свой трудъ; послѣ чего, по завѣщанію пустытника, скрылъ іероглифы въ горѣ *Линг-бао*, возвышающейся среди озера *Дунг-тинг* (въ Ху-гуанской области). Спустя нѣсколько сотъ лѣтъ во времена Конфуція (*Кунг-цзы*) кто-то случайно нашелъ эти іероглифы и поднесъ ихъ въ даръ одному удѣльному Князю. Такъ какъ никто не зналъ—что это за знаки, то князь отправилъ ихъ къ Конфуцію, который и рассказалъ исторію ихъ,—но при томъ замѣтилъ, что, по преданію, домъ князя, нашедшаго эти іероглифы, долженъ пасть, и дѣйствительно—удѣльное княжество того князя вскорѣ исчезло. Даосы увѣряютъ, что эти-то іероглифы, называемые *Линг-бао*, и составляютъ сущность св. книги—*Линг-бао*,

О. Между книгою—*Линг-бао*, считающейся у даосовъ свяще-ною, и кабалистическими письменами, названными, по свойственному имъ дару чудотвореній, также *Линг-бао*,—большая разница какъ во времени ихъ появленія, такъ и по внутреннему смыслу. Исторія свидѣтельствуетъ только о дѣйствиіи кабалистическихъ письменъ а не о значеніи и древности книги *Линг-бао*. Трудно понять съ одной стороны и то, какимъ образомъ *Дао-линг*, какъ онъ самъ увѣряетъ въ своей св. книгѣ, принялъ эти таинственные іероглифы отъ Лао-цзы, и съ другой стороны то, какъ іероглифы князя юя могли сдѣлаться іероглифами Лао-цзы? Сравнивая эти два обстоятельства невольно до мысли о нелѣпости этого вымысла.

Затѣмъ авторъ входитъ въ историческія изслѣдованія о св. даосскихъ книгахъ, показываетъ время, когда онѣ сочинены, равно имена сочинителей и доходитъ къ тому заключенію, что большая часть этихъ книгъ составлена послѣ введенія буддизма въ Китаѣ, въ подражаніе буддѣйскимъ книгамъ. Древними сочиненіями даосскими онъ признаетъ только *Дао-дэ-цзинг*, составленный философомъ Лао-цзы, *Си-шенг-цзинг*, или о путешествіи Лао-цзы на западъ и

физиологико-медицинское сочиненіе *Хуангъ тунъ-нэй-цзинъ*. Всѣ прочія книги, по его доказательству, подложны и суть произведенія позднѣйшихъ временъ; даже въ древнюю книгу *Си-шенъ-цзинъ*, по его увѣренію, даосы внесли многое, чего прежде въ ней небыло.

Въ особенности онъ нападаетъ на книги *Юань-ши-нэй-цзинъ* и *Хуа-ху-цзинъ*, въ которыхъ рассказывается, будтобы Лао-цзы, путешествуя въ западныя страны, просвѣщалъ варваровъ и слѣлался тамъ Буддой.

О. Этотъ вымыселъ даосовъ одинъ изъ самыхъ нелѣпыхъ. Извѣстно, что Лао-цзы былъ при Чжоуской династіи придворнымъ историкомъ, и потомъ предпринялъ путешествіе на Западъ чрезъ песчаную степь (*лю-ша*). Достигнувши крѣпости *Хань-гу-гуань*, онъ тамошнему начальнику *Инъ-си* истолковалъ древнюю книгу Хуандія; потомъ въ распространеніе этихъ мыслей составилъ двѣ книги подъ названіемъ *Дао-дэ-цзинъ*¹⁾ въ ней онъ излагаетъ трактаты о сбереженіи здоровья и управленіи государствомъ, воспрещаетъ жестокость и совѣтуетъ мягкосердіе, отвергаетъ злорѣчіе и гнѣвъ и завѣщаетъ любовь, бережливость и скромность; сочиненіе это состоитъ изъ пяти тысячъ знаковъ. *Инъ-си* также описалъ свои бесѣды съ Лао-цзы въ особыхъ запискахъ о путешествіи на западъ (*Си-шенъ-цзи*). Въ послѣдствіи, нѣкоторыми лицами расширенъ объемъ этого сочиненія и привнесено множество стороннихъ предметовъ, взятыхъ изъ буддизма, впрочемъ въ главныхъ идеяхъ оно сходно съ духомъ даосскаго ученія потому что въ немъ большею частію говорится о тѣлѣ человѣка, о свойствахъ души и природѣ человѣка, о способахъ внутренняго воспитанія и причинахъ долготлѣтія и ранней кончины; въ позднѣйшее время даосы эти записки (*цзи*) назвали св. книгою (*цзинъ*) Въ 1-й главѣ этой книги говорится, будтобы Лаоцзы, отправившись на западъ, на пути слышалъ, что въ странѣ *Чжу-цянъ* есть учитель *Ху-гуанъ*, который не раждался, не умиралъ, вступилъ уже въ безгрѣшное состояніе и наслаждается безсмертіемъ; въ концѣ этой книги прибавлены замѣчательныя слова, сказанныя отъ лица Лаоцзы пограничному чиновнику *Инъ-си*: «Ху-гуанъ мой наставникъ; Онъ достигъ уже безыменнаго состоянія; и я, окончивши это путешествіе, тоже возвращусь въ одинъ съ нимъ источникъ». Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ становится вѣроятнымъ, что Лаоцзы зналъ о существованіи Будды и, отказавшись отъ своей должности въ

¹⁾ О верховной силѣ (въ природѣ), какъ она сама въ себѣ есть, и какъ проявляется въ природѣ.

Китаѣ, отправился къ нему на западъ. Подъ именемъ возвращенія въ безыменное состояніе разумѣется погруженіе въ нирвану ¹⁾, а единичнымъ источникомъ даосы называютъ тожественное состояніе (со всеми духовными существами) какъ качество нирваны ²⁾. Теперь, когда по книгѣ Си-шенъ-цзинъ, Лао-цзы называетъ Будду своимъ наставникомъ, зачѣмъ же даосы толкуютъ, будто бы Лаоцзы просвѣтилъ варваровъ и сдѣлался Буддой? Если бы Лаоцзы дѣйствительно путешествовалъ въ Индію (Тянь-чжу) для просвѣщенія варваровъ: то объ этомъ было бы сказано, а между тѣмъ сказано, что онъ напути слышалъ о существованіи Ху-гуана въ Чжу-цянѣ, достигнутаго безгрѣшнаго состоянія. Такимъ образомъ сказаніе о просвѣщеніи варваровъ оказывается ложнымъ. Самое названіе страны Чжу-цянъ вымышленное; потому что напрасно стали бы мы искать этого имени въ числѣ заграничныхъ народовъ. Потомъ обратимся къ историческимъ записямъ. Изъ историческихъ записокъ (*Ши-цзинъ*) и исторія династіи Хань—въ статьѣ о заграничныхъ народахъ мы читаемъ, что иностранныя племена были между собою различны; каждое племя дѣлилось на нѣсколько родовъ; изъ нихъ западныя государства были все осѣдлыя; эти государства носили разныя названія, но главныя изъ нихъ Юнь-чжи Суи-ла Су-нь Тянь-лэ Да-ся Да-ванъ Цзюй-янь, Сю-ду Во-сы, и Тянь-чжу. Государство Тянь-чжу (Индія) дѣлилось на пять провинцій, восточную, западную, сѣверную, южную среднюю, которыя носили общее названіе Тянь-чжу; жители назывались Брахманами; оно отстоитъ отъ варваровъ на 10 тысячъ ли. Если Лаоцзы просвѣщалъ брахмановъ и сдѣлался тамъ Буддой: то не должно было говорить даосамъ, что онъ просвѣщалъ варваровъ, тѣмъ болѣе, что Шакьямони былъ сынъ государя средней Индіи. При томъ онъ (Будда) еще не былъ государемъ; откуда же взяла даосская св. книга, что Ху-го-ванъ былъ царемъ варварскаго народа? по этой уже одной ссылкѣ можно судить—до какой степени сказаній даосовъ объ этомъ ошибочны. Очевидно, что составители этихъ сказаній неимѣли понятія о западныхъ странахъ,—но слыша, что на западѣ есть варварскія государства, вообразили, что Будда варваръ; потомъ слыша, что Будда былъ изъ царскаго рода, назвали его государемъ. Такимъ образомъ большая часть сказаній даосскихъ о Буддѣ составлена по наслышкѣ.

¹⁾ т. е. переходъ въ состояніе, свободное отъ страстей и всего чувственнаго,—въ состояніе—чистое духовное.

²⁾ Состояніе, въ которомъ особенности (individuum) существъ исчезаютъ и превращаются какъ бы въ одно существо.

В. Однакожъ въ сказаніяхъ даосскихъ есть много весьма сходнаго съ другими буддѣйскими преданіями; такъ напримѣръ: даосы рассказываютъ, что Лаоцзы, проповѣдуя народамъ Буддѣйское ученіе, препедалъ извѣстныя буддѣйскія св. писанія: *Нь-нань фа-хуа*, *Хуа-янь*, *Цзи-гуанъ-минъ* и другіе. Потомъ, что Лаоцзы, возсѣвши на бѣлаго слона о шести клыкахъ, снизшелъ съ солнца во дворецъ государя *Цзин-фаня* (отца Шакьямони), вселился въ утробу государыни *Маи* и переродившись сдѣлался Буддой. Онъ могъ это сдѣлать, по закону превращеній.

О. Странно было бы сомнѣваться въ томъ, нашимъ ли Буддой преподаны сказанныя книги. Къ преподаванію каждой изъ нихъ былъ особый поводъ; всѣ онѣ трактуютъ о свойствахъ существеннаго, о воздаяніяхъ за добро и зло, о формахъ перерожденій за грѣхи и добродѣтели, о дѣлахъ человѣческихъ, о свойствахъ истиннаго тождества,—предметахъ, составляющихъ сущность буддѣйскаго ученія. Справимся, впрочемъ въ лѣтописяхъ. Въ исторіи ханьской династіи повѣствуется, что отправленный противъ Хунновъ государемъ *У-ди* ¹⁾ полководецъ *Хо-цой-бинъ*, въ мѣстечкѣ Гао-лань одержавъ побѣду надъ ними, добылъ золотого кумира. Государь призналъ этого кумира за изображеніе святаго и поставилъ его въ своемъ дворцѣ (*Гань-цюань*). Потомъ, когда открылись сношенія съ Западными странами, посланъ былъ къ народу *Да-ся* Чжанъ-цянъ, который, по возвращеніи, между прочимъ донесъ Государю, что около *Да-ся* есть Государство *Шень-ду* (или *Тянь-чжу*—Индія), котораго жители исповѣдуютъ Буддизмъ; тогда впервые узнали о существованіи вѣры Буддѣйской. Далѣе въ царствованіе государя *Ай-ди* ²⁾ снова отправлены были посланники къ народу *Юнь-ди* (Геты), и съ того же времени ученіе буддѣйское мало по малу начало распространяться въ Китаѣ. Но во всѣхъ сказаніяхъ объ этомъ нѣтъ ни слова о томъ, что Лаоцзы просвѣщаль варваровъ и проповѣдывалъ буддизмъ. Что касается до сказанія даосовъ о перерожденіи Лаоцзы: то этотъ вымыселъ въ первый разъ явился въ біографіи Лаоцзы, составленной даосомъ *Инь-вэнь-цао*, жившимъ во времена династіи *Танъ* ³⁾, и тоже не имѣетъ никакого основанія. Сами даосы подробно рассказываютъ, какъ Лаоцзы перешелъ за границу въ Чжу-цянъ къ Ху-гуану, какъ за заставой—*юй-сай* онъ оставилъ на берегу рѣки *Цзинь-хэ* свой экипажъ и пѣшкомъ проходилъ сыпучіе пески и голыя степи, переходилъ горы и долины,

¹⁾ Царствовавшимъ во 2-мъ вѣкѣ до Р. Х.

²⁾ Въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х.

³⁾ Въ 8-мъ вѣкѣ по Р. Х.

забывая объ усталости въ длинныхъ переходахъ; и все это переносилъ онъ, одушевленный желаніемъ найти истинное ученіе,—и когда еще издали завидѣлъ мудреца Ху-гуана, то назвалъ его своимъ наставникомъ. Какъ же согласить съ этимъ разсказомъ сказаніе даосовъ, будто самъ Лаоцзы сдѣлался Буддой? Вѣсьма вѣроятно, что Лаоцзы, путешествуя въ Чжу-цянъ, увлекся славою Будды; потому что Будда жилъ ранѣе Лаоцзы, и слухи о немъ распространились въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; неудивительно, если Лаоцзы изъ любви къ высокимъ идеямъ Буддизма и изъ уваженія къ его правиламъ предпринималъ путешествіе въ западныя страны. Въ разсказъ даосовъ о томъ, что Лаоцзы, достигши цѣли своего путешествія, вселился въ утробу царицы Май,—это такой мифъ, который не стоитъ и опроверженія. Если, какъ говорятъ даосы, Лаоцзы на слонѣ снизшелъ на землю и переродившись сдѣлался Буддой въ Индіи, то къ чему они говорятъ, что онъ просвѣтилъ варваровъ? Развѣ посылалъ когонибудь вмѣсто себя для проповѣданія имъ? Впрочемъ согласимся даже на то, что Лаоцзы дѣйствительно переродился и сдѣлался Буддой; въ такомъ случаѣ Будда есть основатель и даосскаго ученія, а потому его послѣдователи (даосы) должны, какъ мы, брить волосы, носить буддійскую одежду и вообще причислиться къ буддистамъ. Вмѣсто того они съ остервененіемъ поносятъ буддизмъ и превозносятъ свое презрѣнное ученіе,—и чѣмъ далѣе идутъ по этой темной стезѣ, тѣмъ болѣе вязнутъ въ своихъ заблужденіяхъ и удаляются отъ своего кореннаго ученія.

В. Въ книгѣ Си-шенъ-цзинъ упоминается, между прочимъ, о буддійскихъ *калпахъ* (періодахъ въ нѣсколько тысячъ вѣковъ). Тамъ говорится: *Дао* ведетъ человѣка къ достиженію святости: но достиженіе этой цѣли пріобрѣтается многолѣтнимъ подвижничествомъ и трудами. Такъ Лаоцзы въ продолженіи 2-хъ калпъ усердно подвизался на поприщѣ отшельнической жизни. Откуда у даосовъ это понятіе о калпахъ?

О. Ученіе даосовъ о мірообразованіи почти во всемъ сходно съ обыкновенными понятіями китайскими. Они принимаютъ, что прежде отдѣленія неба отъ земли былъ безформенный хаосъ; но когда небо и земля отдѣлились: тогда явились и всѣ вещи во вселенной; по словамъ св. книги ихъ *Дао-дэ-цзинъ*, *дао* ¹⁾ произвело единицу, единица произвела двоицу двоица произвела троицу, а троица—всѣ вещи во вселенной; т. е. *дао* произвело первобытный эфиръ, изъ

1) Подъ именемъ *дао* разумѣютъ вѣчную силу, по нашему—Божество.

котораго образовались небо и земля; затѣмъ небо и земля произвели человѣка и двѣ силы въ природѣ *инь*-и *янъ*, наконецъ послѣднiе произвели всѣ вещи въ мiрѣ. ¹⁾ Но здѣсь, какъ видно, не говорится ни о калпѣ разрушенiя, ни о калпѣ образованiя, какъ у буддистовъ, Еслибы Лаоцзы имѣлъ понятiе о калпахъ, то онъ сказалъ бы, что сначала была калпа разрушенiя, потомъ образованiя, — а онъ просто говоритъ, что *дао* произвело одно, изъ котораго произошло потомъ все. Изъ всего этого становится яснымъ, что къ даосскимъ понятiямъ привито въ послѣдующiя времена буддiйское ученiе о калпахъ, тѣмъ болѣе, что до распространенiя буддизма въ Китаѣ слово (*цзъ*) калпа принималось только въ смыслѣ *убiйства*—*грабительства*, но отнюдь не въ смыслѣ извѣстнаго перiода времени. Даосы похитили этотъ терминъ изъ буддiйскихъ книгъ—въ замѣнъ китайскаго слова *Хунь-дунь* (Хаосъ).

В. Даосы неустуняютъ буддистамъ въ обширности и глубинѣ своего вѣроученiя и тонкости толкованiй. Они тоже поклоняются 3-мъ драгоценностямъ (*бао*). Ихъ прямое, истинное, великое *дао* есть основанiе высочайшаго блаженства. Кто усовершенствуется въ немъ (*дао*), тотъ приобретаетъ высокiе дары,—можетъ возлетать на орлахъ въ млечный путь, или на анстахъ воспарять на небо и, управляя стихiями, обтекать повсюду.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го декабря 1830-го года.

Корейцы съ большимъ любопытствомъ разсматривали мой сюртукъ—шпелеты и всѣ принадлежности одежды какъ могли за неимѣнiемъ толмача мы толковали имъ значенiе оной. Наконецъ они просили знаками и написавъ по-кит. на бумажкѣ, чтобъ имъ показали большiе ножи или саблю и другое оружье. Мнѣ весьма странно казалось, что всѣ они въ весьма легкихъ одеждахъ, изъ тонкаго полотна и тонкой шелковой матерiи; но представляются всѣ толстыми съ большими брюхами, какъ бы брюхатые женщины. Сiе заставило меня любопытство-

¹⁾ Буддистъ здѣсь, какъ и во всѣхъ предъидущихъ статьяхъ, толкуетъ ученiе даосовъ весьма не точно,—не согласно съ ихъ духомъ.

вать разсмотрѣть поближе ихъ одѣжду. Кореецъ замѣтивъ желаніе мое охотно снялъ шляпу, подъ кою находилась у него на головѣ сплетенна изъ бамбука какъ и шляпа тулейка безъ полей. Онъ приподнялъ оную и показалъ мнѣ, что волосы у нихъ не подбиваются, а собираются и связываются на маковкѣ; тулейка не дозволяетъ имъ разсыпаться. Чтобы голова незябла они надѣвають подъ шляпу родъ мѣхового капюшечка покрытаго шелковой матеріей, но который закрываетъ шею и завязывается подъ бородой, если же не такъ холодно, то отворачиваютъ сіи капюшечки и завязываютъ оныя на затылкѣ. Кореицы не носятъ сапогъ, но башмаки (покрайней мѣрѣ доселѣ мною видѣнные) дикой дабой крытые съ нѣскольکو толстою бумажною подошвой, или изъ бѣлой толстой кожи, носокъ башмака кверху заворачивается. Чулокъ бѣлый изъ тонкаго корейскаго полотна, ловко сдѣланный, ноги и руки у нихъ премаленькіе и прескладныя. Далѣе слѣдуютъ преширокіе кверху и узкіе къ низу, штаны бѣлыя изъ тонкаго полотна, или тончайшей и прекраснѣйшей бѣлой же шелковой матеріи на подобіе нашей тафты, на ватѣ, узкими полосками простеганныя довольно искусно, и такая же ватная куртка, ниже брюха, туго перетянутая подъ грудями,—сверхъ куртки они надѣвають бѣлой тонкой бумажный халатъ немного ниже колѣнъ съ весьма длинными и широкими къ низу рукавами,—сверхъ сего надѣвается такой же халатъ только нѣсколько короче и рукава имѣетъ по пропорціи рукъ, изъ шелковой матеріи голубаго, кричневаго цвѣта, на одномъ же мы видѣли флеровый съ цвѣтами темнаго цвѣта. Первый халатъ подпоясывается цвѣтнымъ шелковымъ кушачкомъ, а верхній застегивается желтыми каменными или стеклянными пуговками въ 3 или 2 мѣстахъ. Халатъ сей съ боковъ и сзади имѣетъ разрѣзы, а спереди на груди вырѣзку полукругаго вида. На кушачкѣ ближе къ правому боку прившены монгольскій пожикъ съ костяными палочками служащими имъ и вмѣсто вилокъ, а съ лѣваго боку футляръ для очковъ круглый, изъ вычерпеной подъ лакомъ рыбьей кожи; на самомъ брюхѣ за кушакъ продѣтъ черный шелковый длинный платокъ, свитый жгутомъ. Вотъ полный и вѣрный костюмъ Кореица. Не офицеры, а купцы,—носятъ грешневичкомъ, а первые гораздо острѣе,—на простыхъ служителяхъ бѣдныхъ мы видѣли войлочные шляпы. Сверхъ сего у офицеровъ внизу кругомъ тульи надѣтъ шпуракъ на коемъ съ правой и съ лѣвой сторонъ навизано по одной ятаринѣ или подобному камню. Надобно замѣтить, что корейцы не нюхаютъ табаку, но за то курятъ подобно китайцамъ, но изъ большихъ металлическихъ трубочекъ. Они весьма любовались моею саблею, пистолетами, двухствольнымъ ружьемъ и кинжаломъ. Одинъ изъ нихъ весьма ловкій и живой началъ фехтовать саблей и очень хвалилъ, что ловка. Одинъ изъ нашихъ албазинцевъ—Василій съ большимъ жаромъ изъяснялъ имъ мое званіе и что сія сабля взята мною въ сраженіи у непріятеля, подчивалъ ихъ конфектами въ бумажкахъ, а они давали мнѣ своихъ лѣкарственныхъ пилюль въ орѣхъ величиной, которыя носятъ въ кушакѣ, а также курятъ табаку. Пилюли сіи дѣйствительно имѣютъ удивительную силу. I. II. испытывать ихъ дѣйствіе въ припадкахъ отъ удара, при чрезвычайныхъ судоргахъ и убѣдился въ ихъ пользѣ. Оныя также съ большею похвалою употребляются женщинами при родахъ во время и послѣ мукъ и весьма примѣтно успокаиваютъ. Но тѣмъ еще некончилось, я распростился и пошелъ домой чтобы отдохнуть, но ни тутъ то было;—пришли и ко мнѣ нѣсколько офицеровъ военныхъ съ павлиньими перьями и довольно скромные, хотя любопытные и живые, я имъ показывалъ мой шитый мундиръ—эполеты, шарфъ, кресты, оружіе, театральную зрительную трубочку которая ихъ весьма занимала. Печать

свою гербовую, они просили чтобы имъ показать употребленіе оной, для чего я и сдѣлалъ имъ сургучныя печати и вырѣзалъ каждому, чѣмъ они были весьма довольны и вскорѣ меня оставили. Толмачъ бывшій вечеромъ у І. П. сказывалъ, что Посланникъ самъ хотѣлъ быть 5-го числа у насъ. Долго еще почти до самаго вечера корейцы толпились въ нашемъ монастырѣ. Къ китайцамъ они неимѣютъ входа, а потому и весьма довольны, что ихъ здѣсь ласково принимаютъ. О. В. сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ, что они живутъ, вообще весьма небогато, народонаселеніе большое, трудно снискиваютъ пропитаніе. Жилища ихъ весьма малы и тѣсны, такъ что наши кажутся имъ дворцами; привычка къ маленькимъ комнатамъ такъ въ нихъ сильна, что и на своемъ подворьѣ въ Пекинѣ, въ большой залѣ, они строятъ себѣ изъ роговъ маленькія клѣточки и такимъ образомъ размѣщаются. Женщины ихъ еще въ большемъ чѣмъ у китайцевъ, находятся уединеніи. Сказываютъ, что въ Корей не увидишь на улицѣ ни старухи, ни молодой. Главная ихъ торговля съ Китаемъ производится кушцами, прѣвзжающими ежегодно съ посольствомъ къ новому году въ Пекинъ, гдѣ остаются они слишкомъ мѣсяць, привозятъ тонкіе свои полотна изъ бумаги, которыя здѣсь весьма дорого цѣнятся, бумагу весьма толстую, употребляемую для оклейки оконъ и цвѣтную, *Жинь-шенъ*, который послѣ манчжурскаго почитается лучшимъ, пилюли о коихъ упоминалъ и другіе не важные предметы. За мѣсяць до новаго года бываютъ здѣсь нѣсколько корейцевъ для полученія календаря.

Вечеромъ былъ у меня А. Ж. показывалъ купленные для меня китайскія книги въ числѣ коихъ двѣ довольно хорошія, именно: одна содержащая въ себѣ маршрутъ по китайской имперіи, а другая о податяхъ. Также различныя краски, изъ коихъ Индиго и Киноварь весьма хороши. А. Ж. представилъ мнѣ также свой журналъ, гдѣ есть описаніе прогулки ихъ въ западныя горы,—также описаніе храма земли и описаніе различныхъ вещей, относящихся ко всеобщему употребленію въ Китаѣ.

О. Архимандритъ между прочимъ сказывалъ мнѣ, что министръ Фудзюнь, видя бѣдность и праздность манчжуръ низкаго званія, т. е. солдатъ, предлагалъ Государю, чтобы разрѣшить имъ выѣздъ изъ столицы и жительствовать въ провинціяхъ Китая, предоставивъ по произволію избирать ремесла, искусства и проч. для снисканія себѣ пропитанія. Государь на сіе несогласился и сдѣлалъ выговоръ Фудзюню, яко представляющему измѣненіе старыхъ освященныхъ временемъ законовъ.

3-го Февраля 1831. Вторникъ. Поутру 5° холода Ясно. Къ одинадцать часамъ поднялся сильный Ю. В. вѣтеръ, который стихъ близъ 11^{1/2} часовъ вечера. Термометръ показывалъ тогда 2^{1/2} градуса мороза.

Вчера послѣ ужина спущенъ былъ у насъ на монастырскомъ дворѣ Н. И. небольшой фейерверкъ.

По-утру былъ у меня съ поздравленіемъ Бошко Фусенга. На вопросъ мой что слышно о военныхъ дѣйствіяхъ онъ сказывалъ, что Гарниз. Генер. какъ я видѣлъ изъ газетъ одержалъ двѣ побѣды. Чанъ-линовы же войска остановлены на походѣ, ибо теперь тамъ большіе холода и вести военное дѣйствіе невозможно,—горы покрыты глубокимъ снѣгомъ равно и долины. Посидѣвъ около часу онъ откланялся. Упоминалъ также о перемѣнѣ казаковъ что будетъ отправленъ при нихъ и что можно подать мнѣ прошеніе въ трибуналъ около половины сего мѣсяца. Присут. или печать заперли 22-го числа и 22 сей луны откроютъ оную.

Въ 2 часа послѣ обѣда я съ О. В. въ повозкѣ и З. Ф. съ Е. И. въ другой отправились съ визитомъ въ капище Ю-Г. къ хутухте. Подѣхавъ къ самымъ

воротамъ, возчики мои замѣтили, что другой повозки небыло; почему и принуждены были ожидать, кучеръ по-китайскому обычаю зашелъ въ одинъ ему знакомый домъ гдѣ и дали ему чашку чаю. Вскорѣ вышелъ изъ воротъ знакомый намъ лама и пригласилъ войти. Меня провели въ ту же комнату, въ которой мы въ первый разъ ожидали пока Гегенъ приготовится; по незнанію языка медленность господъ мнѣ крайне была досадна. Вскорѣ пришелъ сюда да-лама, я объяснилъ ему пантомимами свое неудовольствіе. Онъ подчивалъ меня, а между тѣмъ прибыли и наши. Причина ихъ остановки была слѣдующая, нанятая лоза, весьма дурная вскорѣ повывѣздъ стала, а наши неоглядиваясь гнали, они принуждены были долго идти пѣшкомъ—пока нашли извозчика также весьма худаго на коемъ едва дотацились до кумирни. Да-лама объявилъ намъ, что у Гегена сейчасъ былъ учитель Наслѣдника, съ поздравленіемъ отъ сего послѣдняго съ новымъ годомъ, а также и другіе поклонники. І. П. и З. Ф. сказывали мнѣ еще вчера, что къ сему Гегену весьма хорошо расположенъ любимецъ Императора Си-анъ, который называетъ его своимъ учителемъ. Черезъ нѣсколько минутъ насъ позвали къ Гегену въ тотъ же покой, гдѣ онъ принималъ въ первый разъ. Хутухта вышелъ навстрѣчу и посадилъ меня на почетное мѣсто. Комната его подновлена, обклеена новыми изрядными обоями. Насъ подчивали кирпичнымъ чаемъ и сладкими закусками. Хутухта интересовался много о нашемъ священствѣ высшемъ, какіе они имѣютъ права и какъ Государь къ нимъ расположенъ. Просидѣвъ съ часъ мы откланялись Гегенъ невзирая на мою просьбу провожалъ насъ до послѣднихъ воротъ. Отсюда я заѣхалъ въ сѣверный храмъ къ О. В. а З. Ф. съ Е. И. отправились прямо домой. Я возвратился въ посольство уже въ сумерки. Сегодняшній день видно болѣе народа, но лавки все еще большею частью закрыты, трактиры 2-го и послѣдняго разряда отперты. Мы видѣли также сказочниковъ и гадальщиковъ, около конхъ на скамеечкахъ сидѣло довольно народа. Можно по справедливости замѣтить къ чести здѣшняго народа, что не смотря на праздники мнѣ не случилось видѣть до сихъ поръ не одного пьянаго.

По пріѣздѣ моемъ домой приходилъ ко мнѣ съ сыномъ своимъ 22 л. нашъ привратникъ и принесъ немного винограду и сладкихъ хлѣбцевъ. Его прадѣдъ дѣдъ, отецъ и самъ онъ безотлучно находились при нашемъ Посольскомъ дворѣ. Онъ говоритъ немного по-русски. Я далъ его сыну $\frac{1}{2}$ серебра; а также и Веніамину служителю Павлу и сиротѣ служащему у о. Аввакума. І. П. вчера обѣщался отъ меня завезти билетецъ визитный Хутухтѣ К. Хуанъ-сы.

4-го Февраля 1831. Среда. Поутру въ 7 часовъ 6° холода,—повременамъ прорывался вѣтерокъ,—ясно. Въ 11 часовъ вечера 4 $\frac{1}{2}$ градуса холода, сильный вѣтеръ Ю. В.

З. Ф. сказывалъ мнѣ намедни, что Фудзюнь, представилъ императору, дабы предписано было всѣмъ имѣющимъ мѣдный шарикъ дѣлать оный по установленію, т. е. такъ оный раздѣленъ на 3 степеня: гладкій, съ рѣзбою внутрь и съ рѣзбою выпуклою. Какое и было одобрено.

Вечеромъ у меня собрались миссіонеры на чай.

Послѣ обѣда приходили корейцы у коихъ я купилъ разноцвѣтной бумаги, за каждую тетрадь изъ 20 лист. по 1 ланѣ; что составить на наши деньги по 40 коп. за листъ.

5-го Февраля 1831. Четвергъ. Въ 7 часовъ 7° холода,—ясно и тихо. Къ полудню теплѣе. Въ 6 часовъ вечера—5° холода—съ небольшимъ вѣтромъ. Вечеръ теплый и ясный.

На дняхъ мнѣ сказывалъ З. Ф., что Тяньцзинь, кромѣ торговой пристани славится еще и кулачными бойцами, которые бьются партіями за извѣстную плату, отъ двухъ поссорившихся чиновниковъ, или богатыхъ купцовъ. Такого рода дуэли тамъ въ большомъ упогребленіи,—въ случаѣ увѣчья и даже смертоубійства паявшіе въ сторонѣ,—отвѣчаютъ же дравшіеся, которые тѣмъ только и промышляютъ. Они упражняются въ своемъ ремеслѣ ежедневно, приучая себя слѣдующимъ образомъ. Вѣшаетъ на веревкѣ мѣшекъ набитый пескомъ, одинъ, два, три, четыре и до 10-ти и начинаетъ сперва съ двухъ, т. е. толкаетъ одинъ, потомъ другой и покажется первый отшатнулся, потомъ опять первый недопуская его выдти изъ вертикальнаго положенія на свою сторону и такимъ образомъ, начинаетъ сперва борьбу съ двумя, потомъ съ тремя и такъ далѣе мѣшками, и получаетъ и силу и проворство управляясь со многими на него напавшими непріятелями.

По-утру въ 10 часовъ посѣтилъ меня племянникъ Фоевскій. Онъ между прочимъ объявилъ намъ, что отыскивается въ императорской типографской книжной лавкѣ продажный Ганжуръ на монгольскомъ языкѣ. Мы все были симъ крайне обрадованы, ибо потеряли почти всякую надежду. Благодарилъ меня за подарки, объявивъ, что колокольчикъ отнял у него Фое,—бисерный кошелекъ—сестра, а бисерный коврикъ—шуринъ. Въ замѣнъ я подарилъ ему маленькій микроскопъ, коимъ онъ остался весьма доволенъ. Разговорившись объ обыкновеніяхъ племянникъ Фое сказывалъ, что въ первый день новаго года у нихъ весьма трудно, ибо дѣлать ночь не снать, а съ утра начинаютъ дѣлать визиты до поздняго вечера. Ночью еще дѣлаютъ поклоненія предъ жертвенникомъ поставленнымъ предъ портретами предковъ, держа въ правой рукѣ пучъ зажженныхъ тибетскихъ свѣчъ стоя на колѣняхъ и потомъ поможивъ свѣчи въ сосудъ съ золою—кланяются отцу—матери и старшимъ родственникамъ. Онъ сказывалъ въ послѣдствіи, что изъ Тибета пріѣхали отъ Далай-ламы съ данью тибетцы и пробудутъ здѣсь до 4 луны. Предлагалъ необходимо ли намъ какихъ лѣкарствъ. Откланявшись онъ зашелъ освѣжиться къ І. П. ибо у меня выпилъ рюмку ликеру, и вызвался проводить насъ двоихъ въ кумирню Джанъ-та-сы находящуюся подлѣ дворца, гдѣ будетъ уже видѣнная нами церемонія въ каніцѣ Юнхо-гунъ 25 прежняго мѣсяца. Тотчасъ послѣ обѣда мы съ Захаромъ Феодоровичемъ приготовили на китайскомъ языкѣ вопросы для корейскаго посланника, который обѣщался быть у насъ сего числа. Дѣйствительно онъ пріѣхалъ почти въ то же время, какъ вопросы были изготовлены. Первоначально онъ и его товарищъ съ огромною свитою, состоящею изъ двадцати или болѣе офицеровъ и столькихъ же служителей и купцовъ, зашли ко мнѣ. Пообычаю здѣшнему я встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ, кое какъ чрезъ ихъ толмача, который довольно неискусенъ въ китайск. языкѣ, я сдѣлалъ имъ приличное привѣтствіе, предоставилъ первымъ войти въ комнату и садится на канъ постаршинству, хотя мнѣ и предлагалъ второй посоль сѣсть рядомъ съ первымъ, но какъ гостю я уступилъ предлагаемое мѣсто, а самъ занялъ кресла возлѣ перваго посла. Затѣмъ и вся толпа корейцевъ ввалила въ тѣсенскія мои комнатки, такъ что едва-около дивана съ аршинъ оставалось пустого мѣста, переводчикъ тотчасъ исчезъ, а потому и неоставалось другого средства къ объясненію, какъ чрезъ письмо на бумагѣ. З. Ф. немедля нямало подсунулъ имъ приготовленные нами вопросы, написавъ въ заглавіи, что все что имъ угодно будетъ насъ спросить, дабы написали у себя на дому и къ намъ прислали, увѣряя, что nebudeтъ не одного такого вопроса, который бы мы неудовлетворили. Посланникъ на сіе написалъ что онъ заготовить вопросы, на которые просить поподробнѣ отвѣтить и вручить прислан-

ному отъ него человѣку, который заслуживаетъ довѣренности. Условившись такимъ образомъ они начали попеременно дѣлать отвѣты на наши вопросы и такъ быстро, что по русски только что можно бы было за ними успѣть. Между тѣмъ я разсматривалъ ихъ одежду и наружный видъ. Старшему на лицо кажется около 60 лѣтъ, лице продолговатое свѣжее и почтенное, сѣдъ, но усовъ и бороды почти нѣтъ. Глаза небольшіе каріе. Средняго роста. Товарищъ его невеликъ и болѣе малъ ростомъ, гораздо смуглѣе, имѣетъ черные, хотя и небольшіе но быстрые глаза, также около тѣхъ лѣтъ, умной наружности, лице круглое, курносое, борода рѣдкая и усы, съ большою просѣдью,—одѣты они были совершенно одинаково, почти безразличія съ офицерами, т. е. въ полотняныхъ исподнихъ платьяхъ такихъ же кафтанахъ, и одинъ въ зеленоватомъ, а другіе въ свѣтло коричневомъ кафтанѣ. Главное отличіе ихъ, несомнѣннѣе, состояло въ шляпахъ весьма искусно сдѣланныхъ изъ тоненькихъ бамбуковыхъ тростинокъ, и въ томъ, что тулья у нихъ шляпъ неконическая, а на подобіе грешневика. Они сѣли на диванъ съ ногами, снявъ съ себя балмахи. Изъ офицеровъ многіе уже были намедни у насъ, а потому и обрацали вниманіе другихъ на видѣнныя ими предмѣты. Чтобы небыло скучно писать, я старался развлекать корейскихъ генераловъ, показывалъ имъ мой мундиръ и прочіе принадлежности онаго, толковалъ употребленіе и назначеніе каждой вещи указывая на нарисованнаго у меня коннаго егеря скачущаго на лошади. Показывалъ оружіе, которому они удивлялись, и даже 1-й посолъ испугался когда я спустилъ оба курка вдругъ изъ двуствольнаго ружья и посыпались искры они любовались моими сапогами со шпорами, театральной зрительной грубочкой и вообще всѣми вещами, для нихъ новыми и весьма все хвалили. Я угощалъ ихъ чаемъ и сладкими закусками также вареньемъ, которое они съ большимъ аппетитомъ ѣли и передавали блюда своимъ офицерамъ. Для большей связи и прочности нашего знакомства я при прощаніи поднесъ первому послу маленькій погребчикъ съ чайнымъ приборомъ, пару маленькихъ пистолетовъ, одинъ большой, двѣ платиновыя монеты и 1-нъ серебряный пятакъ; а второму кинжалъ, одинъ большой пистолетъ и двѣ платиновыя съ пятачкомъ монеты. Они написали, что весьма мнѣ благодарны за такія драгоценныя вещи, и откланялись, прося дозволенія погулять и посмотрѣть нашъ монастырь. Вышедъ отъ меня они пожелали зайти къ архимандриту. Тамъ тоже расположившись на диванѣ, они спрашивали на бумагѣ Архимандрита о моемъ званіи, степени и фамиліи. Съ большимъ удовольствіемъ слушали органы, наконецъ замѣтили глобусы,—просили чтобы на земномъ шарѣ имъ показали Корею, Японію, Россію и Китай, и нѣсколько разъ повторяли имъ сказанное. Потомъ я подвелъ ихъ къ портретамъ Императора и Императрицы, они долго любовались оными и спрашивали о лѣтахъ и проч., многіе искали сходства со мною и даже про себя сомнѣвались, Государь и я не одно ли лице что еще и прежде офицеры поговаривали промежъ себя. Отъ Архимандрита ихъ повели въ церковь, гдѣ весьма долго они разсматривали иконы, ризы, священные книги и особенно привлекло ихъ вниманіе большое изображеніе вырѣзаннаго изъ дерева на крестѣ распятія. Потомъ осматривали колокольню и наконецъ отъ европейцевъ полученную библіотеку, гдѣ ихъ много заинтересовали книги съ картинами изъ натуральной исторіи и другія. Они останавливались также въ Латинѣ предъ надписью сдѣланною нашему медику Гао-ли-цинъ-ваномъ и просили, чтобы І. П. вышелъ съ ними познакомиться, который и провожалъ ихъ въ Библиотеку. По осмотрѣ оной послы съ каждымъ изъ насъ отдѣльно раскланялись, прося насъ возвратиться, но по правиламъ здѣшней политики мы проводили ихъ

до первыхъ посольскихъ воротъ, гдѣ послы сѣли въ повозки снявъ съ себя башмаки и огромныя шляпы. Полицейскій ихъ служитель отличающійся остроко-
нечной туллей шляпы, на маковѣтѣ коей есть вылуженная шишка, на передѣ выгналъ
всѣхъ корейцевъ изъ протыхъ, и потомъ повозки тронулись, офицеры послѣдовали
за оными пѣшіе.

Такимъ образомъ проводивъ любопытныхъ корейскихъ пословъ, Архиманд-
риты зашли ко мнѣ, куда также пришелъ и корейскій толмачъ и одинъ корейск.
офицеръ. Послѣдній хотѣлъ было подарить отцу Веніамину пилюль за ножичекъ
который онъ у него намедни выпросилъ, но толмачъ ему отсовѣтывалъ полагая сіе
неприличнымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

(Изъ Ланьжоу).

Въ Ланьжоу мы съ о. Михаиломъ Танъ прибыли 10 Іюля
вечеромъ. Подготовкой оглашаемыхъ здѣсь занимается Феофанъ
Ли. Онъ знаетъ малый катихизисъ, читалъ молитвословъ, немного
изъ Священной Исторіи и катихизиса. Теперь читаетъ часословъ и
псалтирь. Даромъ слова обладаетъ, съ приходящими слушать умѣ-
етъ обращаться. Мѣсто для проповѣди находится на широкой улицѣ,
ведущей отъ Сѣверныхъ воротъ на югъ; по лѣвой сторонѣ неда-
леко отъ центра города, гдѣ бывають базары. На улицѣ при входѣ
во дворъ, въ лавочку, стоятъ черный восьмиконечный крестъ, не-
высоко, почти въ уровень съ крышами зданій, возвышающійся.
Комната для проповѣди занимаетъ двѣ дiani, помѣщеніе достаточно
для 30-40 человекъ слушающихъ. Есть шесть длиныхъ скамей,
одинъ столъ, стѣны выбѣлены известью. При залѣ комната для
жилья въ одну дянъ съ теплымъ каномъ. Эта фанза стоитъ въ
глубинѣ двора, очень тѣсная, и снята на 10 мѣсяцевъ въ аренду.
При помѣщеніи есть сторожъ грамотный, Иннокентій Чжу, кото-
рый принимаетъ гостей въ отсутствіе катехизатора. Есть еще
иниціаторъ дѣла Авраамій Чжанъ, который снялъ на годъ дворъ,
имѣетъ лавку, торгуетъ холстомъ и другой мелочью, китайскимъ и
европейскимъ товаромъ, и сдалъ намъ въ аренду вышеупомянутую
фанззу.

Хотя мы пріѣхали неожиданно, но застали въ залѣ нѣсколько человѣкъ, слушающихъ проповѣдь у катехизатора. Въ этотъ день вечеромъ проповѣдь шла непрерывно до 10 часовъ вечера, многіе приходили и уходили. Проверены списки записавшихся къ слушанію проповѣди, ихъ болѣе семидесяти человѣкъ, и проэкзаменованы желающіе креститься. Въ продолженіе слѣдующаго дня проповѣдь продолжалась, совершенно крещеніе десяти человѣкъ, изъ нихъ нѣсколько человѣкъ неграмотныхъ не могли усвоить Символа вѣры, но простотою вѣры сравнялись съ знающими вѣру. Одинъ старецъ учитель 72 лѣтъ крестился, подавая примѣръ своимъ ученымъ коллегамъ. Осмотрѣны два мѣста съ цѣлію пріобрѣтенія въ миссію. Одно мѣсто въ 19×5 чжанъ площадью и цѣною въ 900 долларовъ съ двѣнадцатю даями старыхъ фанцзъ и многими деревьями на дворѣ. Это мѣсто у Западныхъ воротъ города. Другое мѣсто у восточныхъ воротъ; это помѣщеніе занимаемое теперь полицейскимъ участкомъ, представляетъ нѣсколько дворовъ, обставленныхъ большими не ветхими зданіями. Помѣщеній слышкомъ много и цѣна неподходящая. Кромѣ этихъ продажныхъ усадебъ есть еще на самой линіи желѣзной дороги выстроенное китайскимъ правительствомъ для спичечной фабрики, цѣлый дворъ съ массою зданій, но насколько онѣ могли бы быть пригодными для устройства стана, сказать трудно,—осмотра не дѣлали мы въ виду того, что въ окрестностяхъ нѣтъ вблизи большихъ поселеній.

Въ числѣ пріѣвшихъ крещеніе есть и ремесленники, вообще люди по рядочные, трудящіеся. Одинъ—служащій на заводѣ по выдѣлкѣ корейской бумаги, пригласилъ насъ осмотрѣть заводъ и его помѣщеніе тоже продающееся,—кумирня хэшеновъ, старые полуразвалившіеся дома недалеко отъ города. Мѣсто обширное за южными воротами города, удобное, но полно идоловъ; вокругъ мѣстность заселена выселками земледѣльцевъ и огородами.

Корейская бумага выдѣлывается изъ коры тутоваго дерева, покупаемой по 1 дол. 50 цен. за сто фунтовъ. По удаленіи верхней коричневой кожуры, кору бѣлятъ известью, затѣмъ размельчаютъ въ ступахъ, затѣмъ варятъ въ котлахъ. Жидкая кашица эта сливается въ цистерны въ видѣ хлѣбнаго кваса, на столько жидкая. Бумагу «черпаютъ» продолговатыми четырехугольными рѣшотами (изъ бамбука). Жидкость пробредаетъ черезъ сито, а бумажная масса распредѣляется равномерно по сѣткѣ и снимается потомъ по вынутіи изъ воды, въ видѣ листа, который и кладется въ пачку. По истеченіи нѣсколькихъ часовъ бумагу для окончательной просушки расклеиваютъ по стѣнамъ домовъ и оградъ, спеціально вы-

глаженнымъ для сей цѣли. Мокрая бумага легко пристаётъ къ штукатуркѣ и остается такъ до окончательнаго высыханія. Такимъ способомъ въ день вырабатывается до двухсотъ листовъ корейской бумаги большого формата, продающейся съ завода по 8 дол. 50 цент. за сто листовъ. Не смотря на значительную разницу въ цѣнѣ матеріала и товара заводъ живетъ небогато. Рабочіе издѣльно вырабатываютъ жалованья отъ 7 до 8 долларовъ. Товаръ сбывается оптомъ непосредственно въ руки купцовъ, пріѣзжающихъ за нимъ.

Во второй пріѣздъ въ Ланьчжоу проповѣдь продолжалась съ 14 числа. Постоянно являлись все новыя лица, реестры пополнялись все новыми именами. Здѣшняя публика слушаетъ внимательно, воспринимаетъ быстро, нѣкоторые задаютъ вопросы проповѣднику, — видимо интересуются ученіемъ искренно. На церковныхъ службахъ помогаютъ пѣть и читать. Съ пѣніемъ, конечно, сразу трудно сладить. 15-го числа съ шести часовъ вечера зала была полна слушающими, но вновь записалось мало. Нѣкоторые изъ посѣтителей бывали въ англиканской миссіи, которая здѣсь занимаетъ цѣлый кварталъ неподалеку отъ Западныхъ воротъ, гдѣ есть двѣ школы, мужская съ 40 учениками и женская болѣе десяти ученицъ. Всѣ учащіеся-приходящіе. Завѣдуютъ два иностранца, одинъ изъ нихъ докторъ медицины. Христіанъ у нихъ числится болѣе ста человекъ. О католической миссіи слуховъ нѣтъ. Дворъ съ садомъ и домикъ ветхій на склонѣ горы близъ вокзала принадлежитъ католикамъ, но живетъ тамъ лишь одинъ сторожъ. Въ англиканской миссіи зданія китайскія, внутри лишь приспособленныя къ потребностямъ миссіи.

Для устройства школы казался бы удобнымъ высокій холмъ на пути отъ города къ вокзалу подъ названіемъ Цзы-цзинъ-шань. Такія горы съ кумирнями отчислены въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія для устройства въ нихъ школъ и находится въ вѣдѣніи общества, могутъ быть и пріобрѣтаемы отъ нихъ. Но мы осматривали съ о. Михаиломъ этотъ холмъ, и не нашли на немъ мѣста для школы, — все занято развалинами, идоловъ много.

Въ субботу 16-го числа съ шести часовъ утра стали собираться посѣтители, къ 9-ти часамъ проэкзаменовано нѣсколько человекъ, изъ которыхъ двадцать сподобились святаго крещенія и причастія запасными Дарами. Списокъ крещеныхъ при семъ прилагается. Итакъ въ оба пріѣзда въ Ланьчжоу крещено 30 человекъ.

Ланьчжоу 16-го Іюля 1911 г.

Чужому.

Чужому вновь

Въ чужомъ краю

Свою любовь

Я отдаю.

Чужой напѣвъ

Душѣ немилъ,

Но грусть и гнѣвъ

угомонилъ.

Въ просторѣ сердца

Я пою,

За все Творца

Благодарю.

Когда-то я

Въ родномъ краю

Не зналъ себя.

Но узнаю.

Когда—то жизнь моя была

Ни мнѣ, ни людямъ, не нужна.

Не зная жизни,

Ея силъ,

У Бога смерти

Я просилъ.

Но мнѣ показано было,

Что къ пользѣ многихъ привело;

Что дальнихъ странъ, восточныхъ мѣсть,

Невольный буду я пришлецъ;

Что цѣлю жизни моей тамъ

Будетъ привѣтствіе горамъ;

Въ странѣ нагорной я вселюсь,

Уединенью научусь,—

Вседушно истину искать,

Христову вѣру возвѣщать,

И всѣхъ любить и утѣшать.

Немедля я пустился въ путь,

Чтобъ врагъ не могъ меня запнуть.

Теперь я здѣсь живу, среди

Яичниковъ, но впереди

Не отдалены времена,

Когда религія одна

Христова, будетъ здѣсь цвѣсти,

На путь спасенья всѣхъ вести,

Я счастливъ тѣмъ, что здѣсь живу

И благовѣстію служу.

Когда я истину ищу,

Я тьму отъ свѣта отдѣляю,
 Творцу въ твореньи подражаю.
 Когда поможетъ благодать
 Мнѣ слово вѣры возвѣщать,
 Согласно Символу и догмамъ,
 Влачась по улицамъ и стогнамъ,
 Я мыслю такъ: За мигъ презрѣнья
 Я получу грѣховъ прощенье,
 За временную тѣсноту
 Благъ вѣчныхъ, райскихъ полноту.
 На сердце вдругъ придетъ отрада:
 «На небѣ ждетъ тебя награда» ...
 Кгода воспитанный нуждой,
 Въ нуждѣ живущій и перой
 . . . . . и порой,
 Обиды въ томъ не сознающій,
 Китаецъ станетъ обижать,
 Безсовѣстно въ глаза мнѣ лгать,
 Любви безсмертной, помня силу,
 Не забывая и могилу,
 Готовъ я все ему прощать
 Чтобы любовь лишь возвѣщать.
 Въ просторѣ сердца
 Я пою,
 За все Творца
 Благодарю.

Си-шань. Май.

Насельникъ скита.

Историческій документъ о смерти Христа.

Великой важности вопросъ, занимавшій умы христіанскихъ богослововъ и мыслителей, это вопросъ объ установленіи точной даты дня смерти Христа Спасителя. На основаніи Евангелія приблизительно можно опредѣлить время совершенія великой Жертвы, какъ основы христіанскаго вѣроученія. Но точныхъ документальныхъ данныхъ, опредѣляющихъ дату этого великаго событія, еще не было. Въ настоящее время, по словамъ С, сдѣлано выдающееся открытіе. Она касается историческаго сообщенія относительно смерти І. Христа. Въ капеллѣ Казерты (in der Capelle von Caserta) найдена одна доска, надпись на которой имѣетъ громаднѣйшее значеніе для всего христіанскаго міра. Доска эта имѣетъ надпись на древне-еврейскомъ языкѣ, изображающую текстъ смертнаго приговора, произнесеннаго намѣстникомъ Понтіемъ Пилатомъ. По переводу комисіи французскаго «общества искусства» въ Парижѣ приговоръ этотъ гласитъ слѣдующее: «Приговоръ, произнесенный Понтіемъ Пилатомъ, намѣстникомъ Нижней Галилеи, гласящій, что

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Пекинскаго Успенскаго монастыря іеромонахъ Сергій (Черноволь) 18-го августа 1911 г. былъ командированъ, по распоряженію Его Преосвященства, Преосвященнѣшаго Епископа Иннокентія, Начальника Духовной Миссіи, въ г. Тяньцзинь для служенія на полворѣ Миссіи и для совершенія требъ. 28-го августа на имя Намѣстника монастыря получено отъ іеромонаха Сергія изъ Тяньцзина письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ Миссію не возвратится, и проситъ не искать его. Велѣдствіе сего, отъ 28-го августа 1911 г., послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства: «іеромонахъ Сергій за самовольный побѣгъ изъ Миссіи запрещается въ священнослуженіи и исключается изъ Монастыря. Донести о семъ въ Святѣйшій Синодъ».

Іеромонаху Сергію въ настоящее время 41-ый годъ.

Перепечатывая изъ «Волинскихъ Епархіальн. Вѣдомостей» эту огромной принципиальной важности замѣтку, мы испытываемъ великое нравственное удовлетвореніе, потому что очень давно, начиная съ 1904 года мы говорили о необходимости

ОФОНЦИЛЬНЫЙ ОДЪЕЛЪ

... изображавшую текстъ смертнаго приговора, произнесеннаго вѣстникомъ Понтиемъ Пилатомъ. По переводу комисіи французскаго «общества искусства» въ Парижѣ приговоръ этотъ гласитъ слѣдующее: «Приговоръ, произнесенный Понтиемъ Пилатомъ, вѣстникомъ Нижней Галилеи, гласящій, что

Иисусъ изъ Назарета долженъ понести смерть на крестѣ—Въ семнадцатый годъ правленія Кесаря Тиберія и въ 25 день мѣсяца марта въ священномъ городѣ Иерусалимѣ, когда Анна и Каиафа были первосвященниками Божиими. Понтий Пилать, намѣстникъ Нижней Галилеи, сидя на президентскомъ стулѣ, приговариваетъ Иисуса изъ Назарета къ смерти на крестѣ между двумя преступниками, такъ какъ большія и достовѣрныя свидѣтельства народа говорятъ, что 1) Иисусъ—совратитель; 2) Иисусъ—возмутитель; 3) Иисусъ—врагъ закона; 4) Иисусъ—ложно именуеть Себя Сыномъ Бога, 5) Иисусъ—ложно именуеть Себя царемъ Израиля; 6) Иисусъ вступилъ въ храмъ, окруженный толпой народа, несущаго въ рукахъ пальмовыя вѣтви;—и приказываетъ первому центуріону Квирилію Корнедію вести Его на мѣсто казни, и воспрещаетъ всѣмъ, какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ людямъ, препятствовать смерти Иисуса. Свидѣтели, подписавшіе приговоръ противъ Иисуса, суть: 1) Давидъ Робани, фарисей; 2) Іоаннъ Зарабатель, 3) Рафаилъ Робани; 4) Каперъ, книжникъ Иисусъ будетъ выведенъ изъ города черезъ Серенскія ворота (Sârena) На сторонѣ текста стоитъ заключеніе: «Подобная доска посылается каждому роду (коляну)»

Къ свѣдѣнію духовенства

На имя Волынскаго Архіеп. Антонія былъ поданъ Почаевскимъ Архимандритомъ о. Виталіемъ рапортъ слѣдующаго содержанія:

Честь имѣю донести Вашему Высокопреосвященству, что уставъ «Союзаго Банка» подъ названіемъ «Почаево-Волынскій Народный Кредитъ» правительствомъ утвержденъ, необходимый для начала дѣла капиталъ собранъ. Прошу благословенія Вашего Высокопреосвященства на начало дѣла. Цѣль союзаго банка оказывать помощь крестьянамъ въ ихъ хозяйственныхъ нуждахъ, а особенно при покупке земли. Отъ помощи народу въ этихъ случаяхъ зависитъ во многомъ судьба нашего края и народа: останется-ли Волынь по прежнему русскимъ краемъ или ее скупятъ иновѣрцы, освободится ли русскій народъ—хозяинъ края отъ тяготящей надъ нимъ кабалы, или будетъ нуждой загнанъ въ еще горшую. По этимъ соображеніямъ начинаемое дѣло имѣетъ не одинъ только экономическій интересъ, но и церковный, и патріотическій и государственный. По сему не найдете ли Вы, Ваше Высокопреосвященство, нужнымъ дать указаніе духовенству о принятіи имъ самаго дѣятельнаго участія въ организаци и веденіи открываемаго на помощь народу учрежденія и въ привлеченіи въ него для сего вкладовъ.

На рапортѣ этомъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства отъ 18 марта с. г. за № 2726-мъ: «Согласенъ. Прошу духовенство принять къ сердцу ходатайство народнаго радѣтеля о. Архим. Виталія. Народъ въ общественномъ смыслѣ младенецъ, и духовнымъ отцамъ приходится его воспитывать не только духовно, но и тѣлесно, дабы и душу его не восхитили безбожники и иновѣрцы, овладѣвъ его имуществомъ. Напечатать въ Еп. Вѣд. рапортъ и рез. А. А.»

Перепечатывая изъ «Волынскихъ Епархіальн. Вѣдомостей» эту огромной принципиальной важности замѣтку, мы испытываемъ великое нравственное удовлетвореніе, потому что очень давно, начиная съ 1904 года мы говорили о необходимости

такого попеченія пастырей о своей паствѣ. Безъ приходской взаимопомощи православному крестьянству почти невозможно оставаться матеріально и нравственно независимымъ. Къ сожалѣнію, эта истина только сейчасъ начинаетъ входить въ сознаніе нашего духовенства. А въ свое время одинъ рѣшительный архипастырь писалъ намъ, что всѣ эти наши пожеланія—«просто чушь». А вотъ жизнь указываетъ, что это и не чушь и не такъ все это просто.

Открыта подписка

на журналъ

„Китайскій Благовѣстникъ“.

органъ Россійской Духовной Миссіи въ Китаѣ
на 1911 годъ.

Цѣна за годъ (12 выпусковъ) 3 Рубля. Допускается
разсрочка по полугодіямъ.

Подписка принимается: 1) Въ Россійской Духовной Миссіи въ г. Пекинѣ, 2.) С-Петербургѣ на подворьѣ Миссіи—Воронежская 110 и 3.) Въ г. Харбинѣ—пристань при Благовѣщенской церкви Миссіи.

Тамъ же можно приобрѣтать и другія изданія Миссіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Не Отчаявайся.	1.
Полемическая статья одного Буддиста противъ Даосскаго ученія.	6.
Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го декабря 1830-го года. (Продолженіе)	20.
Корреспонденція. (Изъ Ланьчжоу).	26.
Чужому.	29.
Историческій документъ о смерти Христа.	30.
Къ свѣдѣнію духовенства.	31.
Объявленіе.	32.

Редакторъ Архимандритъ
Аврамій.

Печатать дозволяется
Епископъ Иннокентій.

Г. ПЕКИНЪ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссіи.

1911.